

Григорий ШАЛАКИН

ТОЛСТОВЦЫ НА ЗЕМЛЕ КУЗНЕЦКОЙ

Крутится в голове знакомая с детства фраза: «Коммунары не будут рабами». В этом для нашего поколения 70-летних нет ничего удивительного. Советская школа воспитывала нас на примерах Парижской коммуны и социалистического бытия, ведущего к коммунизму. В моём школьном сознании лишь штрихом, без какой-либо расшифровки промелькнуло понятие о коммунарах-толстовцах. Мол, вегетарианцы – и только. Да и откуда мне было знать, что коммуны социалистического толка имели место быть в Советском Союзе (в Кузбассе, например), а также в других странах.

В США, например, в прошлом веке возникла сельскохозяйственная коммуна People's Temple. Оттуда она перебазировалась в Гайану, бывшую английскую колонию. Около тысячи человек проживали в джунглях, где обустроили быт сообразно своим принципам. Здесь не курили и не распивали крепкие напитки. Занимались выращиванием цитрусовых, сахарного тростника, развивали животноводство, построили кирпичный завод и столярный цех. Имели школу для 250 детей, а также поликлинику и больницу. Денег в ходу не было, питались в столовой, одежда предоставлялась по потребности. В конце 1970-х годов эта коммуна прекратила своё существование при трагических обстоятельствах, покрытых мраком тайны.

Корреспондент ТАСС Александр Воропаев, работая на американском континенте, в 1977 году две недели провел в коммуне People's Temple. А в следующем году узнал, что якобы на почве религиозного фанатизма 400 коммунаров совершили коллективное самоубийство. Он в это не поверил и в ноябре 2011 года, будучи заведующим Испанской редакцией Мировой службы ТАСС, обнародовал другую версию: людей могли сначала убить, а потом сжечь. Ещё около ста человек вроде бы не пострадали, но исчезли в неизвестном направлении после того, как рассказали о существовавшем у коммунаров желании переехать в Советский Союз и о том, что накануне была достигнута договорённость о поездке делегации коммуны в СССР на переговоры. Так что истинные причины падения далёкой от нас коммуны до сих пор остаются неясными.

В моей истории нет массового трагизма, хотя в отдельные моменты, погружаясь в довоенное советское прошлое, о нём приходится вспоминать. А за пятилетку до американской трагедии, после окончания школы в Прокопьевске и во время учёбы в Новокузнецком пединституте мне удалось познакомиться, а затем на десятилетия подружиться с настоящими советскими толстовцами из коммуны «Жизнь и труд» и их потомками. Причём для этого не нужно было ехать куда-то далеко. Коммунары с 1948 года обосновались в собственноручно построенном посёлке Тальжино Новокузнецкого района Кемеровской области, примерно в двух километрах от одноимённой железнодорожной станции на направлении Новокузнецк – Междуреченск.

Посёлок существует до сих пор. В нём, помимо, всего лишь одна улица – Центральная, с огромными по площади огородами за домами, и переулочек. Есть клуб. Работала общественная баня, куда для помывки и принятия парной нужно было приходить со своими тазиками и вениками. Функционировала водокачка. Рядом находится пруд, на берегах которого я всегда замечал одного-двух рыбаков, но их улова так ни разу и не видел. Есть берёзовая роща. А вокруг – бескрайние поля и просторы с видом при хорошей погоде на Томь-Усинскую ГРЭС, что вырабатывает тепло и электроэнергию в городе Мыски.

Начиная с 1967 года в Тальжино неоднократно слушал рассказы коммунаров – в прошлом москвичка Льва Александровича Алексева, прибалтийца Арона Герасимовича Гросбейна и его супруги Галины Авдеевны (с украинскими корнями), беседовал с питерцем Иваном Ивановичем Андреевым. Алексей был общепризнанным в округе специалистом по выращиванию ранних огурцов в открытом грунте. Будучи студентами, мы с одноклассником по литфаку Сергеем Назаровым и новокузнецким милиционером Юрием Потаповым старались приезжать в Тальжино примерно в феврале, когда ещё снег и не собирался таять. Приходили во двор Льва Александровича. Он встречал нас и показывал своё тепличное хозяйство: парник внутри приспособленного и, кажется, отапливаемого буржуйкой строения. Он приоткрывал стеклянную пирамиду парника, где красовались тёмно-зелёные завязи огурчиков. Скорый урожай предназначался для рынка в шахтёрском Междуреченске, где Алексей слыл авторитетным овощеводом. Торговля урожаем с огородов на рынках Новокузнецка, Мысков и Междуреченска давала толстовцам небольшую прибавку к их пенсиям по старости. Они составляли сначала 12 рублей 50 копеек в месяц, а потом – 25 рублей. Самыми большими тогда были пенсии у шахтёров Кузбасса – 120 рублей. У служащих из моего окружения – от 70 до 80 рублей.

После осмотра зелёных побегов во владениях Алексеева мы перешли к Гросбейнам, с чьим младшим сыном Борисом (четвёртым ребёнком в семье) вместе учились в институте. Галина Авдеевна варила украинский борщ без мяса, стряпала из творога так называемые сырники, угощала домашней сметаной и яйцами из курятника в огороде. Глава семьи Арон Герасимович строго соблюдал и контролировал вегетарианский порядок, не допускал появления спиртного в доме и прожил почти до ста лет.

Он вёл активную переписку. Писал письма родственникам в США, жизненные пути с которыми разошлись в связи с российской революционной бурей 1917 года. Старший Гросбейн почему-то периодически отправлял свои творения по православной тематике политическому обозревателю газеты «Известия» Александру Бовину, который одно время был депутатом Верховного Совета РСФСР от Кемеровской области, и с нетерпением ждал от него ответы. Два письма Бовина Арон Герасимович мне показывал и читал их вслух. Этот обмен мнениями доставлял ему истинное удовольствие.

Но особой гордостью хозяина дома было полное (юбилейное) собрание сочинений Льва Николаевича Толстого, в 90 томах (1928–1958), издательства «Художественная литература», которое занимало в парадной комнате резную деревянную этажерку с вязанными вручную из белых ниток салфетками на полках. Поочередно он выдавал мне отдельные интересные книги, которые я обязательно возвращал после прочтения. Были и другие почитатели именно этой уютной библиотеки.

В июньскую жару нас приглашали на покос и на лугу поили парным молоком от своей коровы. Косари из гостей получались неважные, но неуверенно звенящие в руках новичков литовки всё-таки кое-что прибавляли к траве, лихо срезанной братьями Иосифом, руководителем автопредприятия в Новокузнецке, Ильёй, инспектором новокузнецкого городского отдела образования, и Борисом, студентом Новокузнецкого пединститута. На закате солнца Иосиф вершил стог, а мы вилами подбрасывали ему луговое разнотравье. После помывки в домашней бане, разместившись на сеновале и верандочке, сочетали воздушные ванны с беспробудным сном.

На тальжинской улице несколько раз пересекался с организатором коммуны «Жизнь и труд» уроженцем Твери Борисом Васильевичем Мазуриным, когда он обменивался общими фразами о житье-бытье с местными жителями. А вот об обстоятельном разговоре с ним почему-то не додумался. Мазурин жил скромно, одевался – так же, говорил тихо и не быстро, не жестикулировал. Интеллигент и, как я позже узнал, товарищ Владимира Черткова – бли-

жайшего друга гениального русского писателя Льва Толстого. У Мазурина в Тальжино был домик с двумя небольшими зелёно-синими оконцами, выходящими в палисадник, отделявший усадьбу от дороги. В нём он прожил с 1949 по 1989 год. И здесь его стали величать известным в России и за рубежом публицистом за десять с лишним произведений о своих современниках, в их числе «Рассказ и раздумья об истории толстовской коммуны «Жизнь и труд». Раздумья в конце 80-х годов прошлого века появились в журнале «Новый мир», а затем были растиражированы во многих странах, включая США, Англию и Японию.

В наследии Бориса Мазурина, хранящемся, насколько мне известно, в Новокузнецке, есть письма французского писателя Ромена Роллана, поэтов Давида Кугультинова, Сергея Поделкова и других. К тому же Борис Мазурин был сыном поэта Василия Мазурина, чьи стихи из сборника «В царстве жизни» вошли в антологию российской поэзии, изданную Евгением Евтушенко.

В юности Борис Мазурин поддерживал толстовские идеи об объединении крестьян в общины и коммуны, обновлении жизни при свете разума и любви, которые находили отражение в московской периодике. В том числе в журналах «Новая иллюстрация» (№ 45, 46 1910 года), «Голос Толстого и единение» (добавление к № 6 журнала 1917–1918 годов).

116 Не без влияния названных публикации и агитации, активно проводимой Московским вегетарианским обществом, в подмосковной деревне Шестаковке (район современной станции метро «Юго-Западная») при участии Бориса Мазурина в 1921 году была организована коммуна «Жизнь и труд». В то время подобные организации появились в Харьковской, Полтавской, Киевской губерниях, на Южном Урале и Северном Кавказе. В 1928 году толстовцам из Шестаковки предложили найти новое место в Казахстане, Западной Сибири или в Иркутской области. Они выбрали для коммуны юг Западной Сибири – Кузбасс. Ехали сюда по железной дороге в теплушках с семьями, со всем скарбом и домашними животными.

Теперь общеизвестно, что прибывшие в район теперешнего Новокузнецка люди были добровольными переселенцами из разных уголков Советского Союза: Москвы и Подмосковья, Украины и Южного Урала, Поволжья и Северного Кавказа. Оказались в коммуне духовные вожди-интеллектуалы и личные друзья семьи Льва Толстого – Евгений Попов, братья Сергей, Лев, Александр Алексеевы, их мать – Вера Лукьянская и Наталья Страхова. Все они когда-то служили в толстовском издательстве «Посредник». Среди коммунаров были выпускники Московского университета и Санкт-Петербургской

сельскохозяйственной академии. Но большинство членов этого необычного сообщества всё-таки составляли потомственные крестьяне. Их объединяла возможность работать на земле и вести праведный и абсолютно трезвый образ жизни.

Новые улицы коммунары сначала выстроили в посёлке Абашево города Сталинска (ныне Новокузнецк), где коммуна «Жизнь и труд» действовала с 1931 по 1938 год. Мне удалось познакомиться с уставом коммуны, принятым в 1931 году. Полагаю, что уместно привести некоторые выдержки из него. Вот они:

«Цели и права коммуны. На основе действующих узаконений о сельскохозяйственной кооперации по сему Уставу учреждается сельскохозяйственная коммуна под наименованием «Жизнь и Труд». Коммуна действует в Кузнецком районе Сибирского края.

Коммуна имеет своей целью путем организации единого хозяйства на основе полного обобществления земли, жилищ, труда, инвентаря и прочих средств производства удовлетворять жизненные и культурные потребности своих членов.

Для достижения своих целей коммуна вправе: по своему усмотрению хозяйственно использовать имеющиеся в ее распоряжении землю, постройки и прочее имущество;

устраивать и приобретать подсобные производственные предприятия и мастерские и разные технические сооружения, хозяйственно необходимые; возводить хозяйственные и жилые постройки для своих членов;

организовывать сбыт произведений своего труда;

содействовать распространению общих и сельскохозяйственных знаний среди членов коммуны путем устройства школ, библиотек, детских ясель и садов и прочих культурно-просветительных кружков. <...>

Состав коммуны, права и обязанности ее членов.

Членами коммуны могут быть трудящиеся, достигшие 18-летнего возраста, занимающиеся, а равно приступающие к занятию сельским хозяйством или связанного с ним промысла, разделяющие взгляды Л. Н. Толстого и отрицающие всякое убийство не только человека, но и животного, а также отрицающие употребление дурманов: водки, табака и др. и мяса. <...>

Прием членов в коммуны производится общим собранием.

Для вступления в коммуны устанавливается испытательный срок не свыше 6 месяцев, в течение которого вступающий участвует в работах коммуны наравне с членами. В случае непринятия его в члены он обязан покинуть коммуны в 2-недельный срок, а имущество, внесенное им в коммуны, возвращает-

ся ему натурой. Расчет коммуны с ним за все время работы производится согласно установленных в коммуны правил оплаты труда.

Примечание. Дети вступающих в коммуны членов, а равно находящиеся на их иждивении несовершеннолетние члены семьи зачисляются в состав членов коммуны по достижении ими 18-летнего возраста по решению общего собрания. Каждый член коммуны имеет право участвовать в общем собрании коммуны с решающим голосом».

Прочитанный мною устав обширен и может служить отдельной темой обсуждения.

История свидетельствует о том, что толстовское движение в Кузбассе было достаточно зримым. Уже к 1932 году в сталинской коммуны «Жизнь и труд» процветали около полутора тысяч человек. Выращенный на полях урожай коммуна в больших лодках отправляла по Томи строителям Кузнецкого металлургического комбината. Она помогала сельхозпродукцией детскому саду и больнице. Через год на районной сельскохозяйственной выставке толстовцы заняли первое место по надоям молока и урожайности овощей.

Коммуна имела собственную школу, где учителя обучали детей по программам, соответствующим нравственным принципам Льва Толстого. В 1933 году в большой школьной комнате занимались три группы детей до обеда и две – после него. Здесь же находились сапожная, шорная мастерские, верстак, точило, ларёк для раздачи хлеба и аптечка. Учителями работали коммунары Густав и Гюнтер Тюрк, Клементий Красковский, Анна Малород, Евгений Попов, Иван Гуляев, Евгения Литвинова, А. Горяинов. Все пособия, необходимые для обучения, они изготавливали сами. Остались душевные житейские воспоминания Анны Степановны Малород, которые сохранила её племянница Лидия Афанасьевна Шилова.

Коммуна вырастила своих поэтов, беллетристов и документалистов. В самом конце второго десятилетия увидели свет тайком писавшиеся в 1930-х годах на деревянных щепках стихи Гюнтера Тюрка. В 25-летнем возрасте в 1940 году он был приговорен к семи годам лишения свободы, которые провёл в Мариинском лагере. Поэзия была способом его существования. В тюрьме Тюрк записывал стихи даже на щепках. Одну из них сохранил Борис Мазурин.

*Я лег одиноко на край
Дороги, чью тяжесть не снёс.
Мой старый товарищ, давай
Простимся без жалоб и слёз.*

Подборки стихов Тюрка опубликованы в журналах «Алтай», «Наш современник» и альманахе «Возвращение памяти». В 1997 году в Новосибирске вы-

шел сборник стихов, поэм и переводов Гюнтера Тюрка «Тебе, моя звезда». Его творчество было предметом обсуждения на научно-практических конференциях в Барнауле и Новосибирске.

Арон Герасимович Гросбейн говорил, что предметом периодически возникавших споров с властями было разное отношение к оружию. Коммунары считали, что их убеждения не позволяют проходить службу в армии с автоматом в руках, а страна нуждалась в защитниках Отечества.

Только от потомков Арона Герасимовича узнал, что его настоящая фамилия Таубес. Семья, по рассказам его сына, похоже, жила в Литве (называют и Белоруссию), в так называемой черте осёдлости, существовавшей с екатерининских времён, что скрывало передвижение энергичных евреев по миру. С обретением фамилии с немецким уклоном Арон Гросбейн узнал Украину, а его ближайшие родственники стали жить в США. Как свидетельствуют историки, с 1881 по 1914 год из России туда выехали в общей сложности примерно полтора миллиона евреев.

Но вернёмся в посёлок Абашево. Там началась подземная добыча угля. И коммуне пришлось перебраться на новое место. По этой причине с 1948 года последним пристанищем кузбасских толстовцев стал посёлок Тальжино. Здесь они продолжали эффективно хозяйствовать на земле, снабжали область ранними овощами, что в то время в сибирской глубинке было редким явлением. Организованный на базе коммуны колхоз стал хозяйством с миллионными доходами.

Борис Гросбейн занялся сохранением истории необычного для нашего региона общественного объединения. Он сумел добиться открытия в Новокузнецке толстовской школы, где несколько лет директорствовал. Собирая документы, Борис Аронович выяснил, что коммуна «Жизнь и труд» исправно выполняла государственный план по заготовкам. Вот, например, какое разнообразие производимой продукции он обнаружил в одном из списков в колхозной конторской книге за 1954 год: «Просо – Земляника – Яйца. Пшеница – Рассада помид. – Мясо свиное. Овес – Огурцы свеж. – Сбой свиной (ливер). Рожь – Капуста – Кожи свиные. Вика с овсом – Свекла столов. – Мясо баранье. Хлеб пшеничный – Морковь – Сбой бараний (ливер). Сено луговое – Капуста расс. – Кожи бараньи. Картофель – Помидоры – Мясо скотское. Кормовые корнеплоды – Лук-репка – Сбой скотский (ливер). Кожи скотские. Молоко. Мясо куриное. Сало (жир) скотский. Воск. Шерсть. Мед. Мясо конское. Кожа конская».

Заслуженный учитель РФ Борис Гросбейн сконцентрировал сначала в толстовской школе, а потом в посёлке Тальжино около двух тысяч редких экспонатов и материалов о коммуне. Некоторые из них

переданы в фонд библиотеки имени Н. В. Гоголя Новокузнецка. В 2000 году часть материалов экспонировалась в Токио и получила 15 тысяч положительных отзывов жителей японской столицы. Там же на эту тему издана книга «Сквозь страсти с улыбкой и любовью».

Отдельный раздел истории составляет переписка членов коммуны с болгарскими единомышленниками на языке эсперанто. Болгары присылали сибирякам сортовые семена овощей, которые давали хорошие урожаи на сибирских чернозёмах. К сожалению, в Кузбассе в прошлом году я не нашёл ни одного сохранившегося письма на эсперанто, хотя в 1970-х годах неоднократно держал их подлинники в своих руках.

Интерес к наследию толстовцев был всегда. В сентябре – декабре 1988 года в газетах «Известия» и «Труд» были опубликованы материалы в связи с выходом в Москве книги Бориса Мазурина «Рассказ и раздумья об истории одной толстовской коммуны». В августе 1998 года ИТАР-ТАСС писал о том, что коммуна стала предметом исследований учёных Токийского университета Сёва-Дзёси, а группа японских специалистов побывала в селе Тальжине, где продолжали жить несколько коммунаров и их дети.

– Для нас, – говорил мне в Новокузнецке Хиромаса Конами, учёный университета Сёва-Дзёси, – Лев Толстой не просто автор «Анны Карениной» и «Войны и мира», но и оригинальный мыслитель, философ. Прекрасно, что сохранились многие предметы быта, дневники коммунаров, их переписка, литературные опыты. Копии документов займут достойное место в Токийском университете. После перевода на японский язык литературного и документального наследия оно получит научную оценку. И это, по всей видимости, будет сделано впервые.

В мае 1999 года несколько учащихся и преподавателей толстовской школы № 96 города Новокузнецка были приглашены на стажировку в Токийский университет.

О коммуне «Жизнь и труд» рассказывается в книгах Марка Поповского (1981), Валерия Черепицы (2007), изданных в Лондоне и Гродно. В первой из них, в частности, говорится: «Громадные начитанность, знание истории, философии, религиозных проблем, этики и высокие личные нравственные качества позволяют говорить о коммунарах как о самых несомненных интеллигентах».

Другие книги на эту тему издавались в США и Японии. А в Кемерово вышел в свет трёхтомник «Лев Толстой и Сибирь» (2009–2012). Этому же были посвящены несколько выпусков кемеровского литературно-художественного альманаха «Голоса Сибири» (2005–2009). Переписка 1923–1929 годов

толстовцев-интернационалистов друг с другом в 1997 году была опубликована Питером Бруком в Канаде в университете Торонто.

Многие задумываются над дальнейшим сохранением наследия сибирских толстовцев. В 1996 году поэт Евгений Евтушенко обращался к властям Новокузнецка с предложением организовать музей Мазуриных и толстовской коммуны, который, по его словам, был бы заслуженной данью памяти этим неординарным людям. И в настоящее время, например, член-корреспондент Международной академии педагогического образования из Новокузнецка Сергей Иванищев характеризует «Жизнь и труд» как уникальное явление для Сибири. Члены этой коммуны, по его словам, строили свою жизнь в соответствии с воззрениями Льва Толстого на сельскохозяйственный труд, организацию общества, обучение и воспитание детей, самообразование взрослых. Жизнь коммуны была чётко спланирована: днём работа в поле, после совместной вечерней трапезы – размышления, обсуждение жизненных проблем, толстовских художественных, философских, педагоги-

ческих, публицистических произведений. Опыт коммуны, по мнению Сергея Иванищева, следует скрупулезно изучать, хранить любые документы и упоминания о ней.

Примерно шесть лет назад на здании тальжинского Дома культуры открыли мемориальную доску, посвящённую толстовцам. На ней такие слова: «Посёлок Тальжино основан в 1948 году крестьянами толстовской сельскохозяйственной коммуны «Жизнь и труд» (1931–1938 гг.). Благодаря их самоотверженному труду, гуманистическому мировоззрению колхоз «Жизнь и труд» стал миллионером, жизнь людей была высоконравственной, посёлок процветал. Слава руками создающим!».

В посёлке можно остановиться и около домов Бориса Мазурина, других коммунаров. На мой взгляд, это же толстовская Ясная Поляна в сибирском преломлении. Скажем, в Тюменской области пришлось воссоздавать ту часть села, где родился Григорий Распутин. В Тальжино пока ещё всё находится на своих местах. Так чем же мы хуже других в отношении к истории и памяти народной?

г. Кемерово

Тальжино. Толстовец Иван Андреев (в центре) с молодёжью. 1968 год. Фото Григория Шалакина.